

И.И. Зильберберг

К пониманию исторической судьбы еврейского народа

I

Предисловие к книге В. Л. Теуша

"Краткий очерк внутренней истории еврейского народа"

Авторы нередко снабжают свои книги, в дополнение к основному тексту, предисловиями/послесловиями пояснительного или информационного характера. Иногда - по большей части в посмертных изданиях - к книгам пишутся специальные предисловия или послесловия, представляющие читателю автора и его труд. Так было и с данной книгой. Когда она была опубликована в 1998 году, к столетнему юбилею автора, но через четверть века после его смерти, за авторским текстом следовали два других: в одном говорилось об авторе, в другом - о его книге.

Однако в данном, электронном, издании книги последний текст был изъят, а вместо него появились новые предисловие и послесловие. Претерпела книга и ряд других изменений, включая своё название (её прежнее название - "О духовной истории еврейского народа"). Чем же все эти изменения были вызваны и кто и на каком основании внёс их? Как их инициатор я чувствую себя обязанным ответить на эти вопросы. Но в предисловии я ограничусь лишь теми пояснениями, которые могут быть полезны читателю перед чтением книги, оставив остальные на послесловие, когда у читателя уже будут собственные суждения и оценки прочитанного.

Как и В.Л. Теуш теперь, я являюсь одним из авторов, чьи работы размещены на данном сайте ("[Библиотека духовной науки](#)"). Но главным здесь является не наше электронное соседство, а наша необыкновенная десятилетняя дружба, во время которой и писалась помещаемая здесь книга. Более того, я был не только первым её читателем - я был её единственным слушателем, ибо она рождалась, прежде всего, не на бумаге, а в процессе живых бесед, разговоров, обсуждений. И вот эта-то форма доверительной беседы перешла в книгу и стала её органичной тканью - как естественная форма общения с читателем, а не как намеренно выбранный "литературный приём".

Эта форма задушевного разговора, когда другому - в данном случае, совершенно незнакомому читателю, - открывают, как другу, душу, делятся с ним самым сокровенным, - а именно так написана эта необычная книга - делает её не отвлечённо-научной, что можно ожидать от исторического исследования, а эмоционально-личной. Но чтобы это личное не осталось для читателя лишь мёртвой формой, а ожило в его душе, я решил предоставить ему, в доступных мне пределах, возможность познакомиться с личностью автора, как-то ощутить его

живое присутствие. Читатель может сделать это, не отходя от компьютера: о В.Л. Теуше, а также о некоторых трудностях, связанных с публикацией его работы, говорится на страницах моей книги ["Необходимый разговор с Солженицыным"](#) (судьбы этих людей оказались повязаны непростыми нитями нашего времени). Вместе с тем, такие знакомство и присутствие ни в коем случае не должны стать для читателя эмоциональной нагрузкой, мешающей ему объективно воспринимать и оценивать написанное. И если он чувствует, что они могут помешать ему, то лучше не допустить их вовсе или же, по крайней мере, отложить до полного прочтения книги.

Настоящее издание книги появляется в библиотеке, которая относится к категории тематических, "специализированных". Но поскольку она открыта, как и должно быть, для самой широкой читательской аудитории, книга может попасть в руки, то бишь на компьютерный экран, читателю, не знакомому с данной тематикой. Вот такому читателю мне и хотелось бы сказать ещё несколько пояснительных слов.

Слово "духовный" ("внутренний"), которым Теуш пользуется в своей книге, является ключевым для её понимания. Хотя слово это имеет широкое хождение, его общеупотребительный смысл размыт, абстрактен, эфемерен. Этого обычно не замечают, и употребляя его, подразумевают под ним каждый что-то своё, но не конкретизируют это даже для самих себя. Приведу один характерный пример из личного опыта (я мог бы привести и другие).

Мне как-то довелось участвовать в проходившем в одном английском университете симпозиуме под названием "Духовные ценности в образовании". Участниками были не только профессиональные педагоги - практики и теоретики, учителя и профессора, но и деятели культуры, а также священники и теологи. Слово "духовный", как можно себе представить, многократно фигурировало в каждом выступлении. И вот на одной из сессий я решил задать участникам простой и очевидный вопрос - как оказалось, на засыпку: "Мы всё время употребляем прилагательное "духовный". Но ведь это слово производное - от существительного "дух". А что такое дух?" Наступило молчание - неловкое, потому что никакого ответа не последовало. Ну, англичане мастера выходить из неловких положений, и мой вопрос был благополучно обойдён и забыт на оставшееся время симпозиума. Лишь после него я вдруг получил письмо от одной участницы, которая хотела обсудить со мной этот волновавший её вопрос (на симпозиуме она не решилась сделать это даже приватно). Мы жили недалеко друг от друга, и я предложил встретиться. Но до встречи и до выяснения вопроса о духе так и не дошло - после непродолжительного письменного контакта она исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Теуш употребляет слово "духовный" в смысле *духовной* науки Рудольфа Штайнера, антропософии, некоторые положения которой послужили основой для его работы. Это слово наполнено для него, как и для любого антропософа, конкретным и реальным содержанием, без которого его книга лишается смысла. Поэтому в ней он говорит и о Штайнере, и о его духовной науке, и о духе. Но Теуш был ограничен

рамками и тематикой своего основного повествования, и его кратких сведений об антропософии, боюсь, может оказаться недостаточно для неподготовленного читателя. Правда, сделать его полностью "подготовленным" может лишь длительное углублённое изучение, приводящее к необходимым знаниям и пониманию. Такого, разумеется, нельзя требовать от не знакомого с антропософией читателя, который открыл книгу Теуша с совершенно другой целью. Ему можно лишь дать совет: прежде чем приниматься за её чтение, постараться получить больше сведений об антропософии и её основателе и из других доступных ему источников. Рискую оказаться нескромным, я могу указать на один легко доступный источник - на свою статью ["Рудольф Штайнер - жизнь, учение, деятельность"](#).

Ознакомившись с антропософским миропониманием, читатель сможет понять то новое и главное, что Теуш говорит в своей книге и ради чего, собственно, и стоит её читать. Не предвосхищая читательского прочтения книги, а тем более её оценок, и, конечно же, не навязывая своих, я лишь укажу, в самых общих чертах, на те основные положения, которые составляют фундамент книги. Теуш, прежде всего, рассматривает историю еврейского народа с внутренней, духовной точки зрения, где внешние события являются лишь выражением и проявлением недоступного для обычного восприятия духовного процесса развития. Далее, он рассматривает эти отдельные события и явления не сами по себе, а в контексте этого всеобъемлющего эволюционного процесса, начавшегося в далёком прошлом, продолжающегося сегодня и устремляющегося в отдалённое будущее. И, наконец, оценки, которые он даёт событиям и явлениям, не основаны на эмоциях или идеологии, но вытекают из его понимания духовно-исторической судьбы еврейского народа.

А сама эта судьба, озабоченность ею, явилась для Теуша побудительным мотивом к написанию книги и составляет её основное содержание и смысл. Если читатель не увидит этого, он может не найти в книге ничего, кроме некоторых известных и бесспорных фактов и субъективных и спорных оценок. Они тоже, разумеется, могут послужить пищей для размышлений, но только не в том направлении, в каком ведёт своё повествование автор.

Вот этим мне хотелось предварить путешествие читателя в неизведанную и таинственную страну, чем всегда является новая книга. Надеюсь, он благополучно завершит его, обогащённый новыми впечатлениями и плодами собственных раздумий. Тогда мы и встретимся с ним ещё раз. Мне остаётся лишь поблагодарить организаторов сайта ["Библиотека духовной науки"](#) за размещение в ней книги В.Л. Теуша и за предоставленную мне возможность снабдить её необходимыми пояснениями - за возможность выполнить свой долг и перед автором, и перед читателями.

II

Послесловие к книге В. Л. Теуша

"Краткий очерк внутренней истории еврейского народа"

Сейчас, когда мы с читателем оказались "на равных", то есть оба прочли эту книгу и составили о ней каждый своё мнение, я хочу поговорить с ним о прочитанном и добавить к его мыслям о книге и о затронутых в ней вопросах свои собственные. Но сначала я должен выполнить свои обязательства, о которых говорил в предисловии. Для этого мне надо оттолкнуться от того, о чём я писал ещё раньше, в своей книге ["Необходимый разговор с Солженицыным"](#). Ниже следует соответствующий отрывок из неё:

Теперь о работе В.Л.Теуша "О духовной истории еврейского народа". И эту рукопись я получил в своё время... Это собственный экземпляр В.Л., собственноручно им сброшюрованный и с его рукописными пометками. Но публикация этой работы осложнялась рядом причин совсем иного характера - внутреннего, так сказать: работа содержала ряд мест, которые могли быть болезненно восприняты еврейской аудиторией. Об этом мы много говорили в Москве, главным оппонентом здесь была жена В.Л., но он, несмотря на то, что преданно и беззаветно любил её, оберегал и никогда не огорчал, здесь стоял на своём, приводя, конечно, соответствующие доводы. Я тоже видел, что эти места нелегки для объективного, свободного от эмоций, понимания, но понял и принял его доводы и осознал, что *он*, исходя из своего жизненного и духовного опыта, имел право на такие суждения. (Забегая вперёд, скажу, что после смерти В.Л. решил, что в случае публикации напишу к книге предисловие, в котором постараюсь объяснить читательской аудитории, и не только еврейской, все трудные, непонятные и болезненные места. Но предисловие к вышедшей много лет спустя в Москве книге написал более знающий и авторитетный автор, Г.С. Померанц. Однако, эти места он не объяснил - боюсь, он их воспринял так же, как и большинство читателей, и реакция некоторых из них была именно такой, какую предполагали и жена В.Л., и я - мне было очень больно читать их комментарии.)

Но в то время, в Москве, речи о публикации вообще быть не могло, разве что о том, чтобы дать почитать друзьям и знакомым (даже против самиздата жена В.Л. категорически возражала). Поэтому, когда я оказался на Западе и возможность публикации работ В.Л. стала более реальной, по крайней мере - желанной, разговор у нас в первую очередь всё-таки шёл о литературоведческих работах. Но после смерти В.Л. ситуация изменилась коренным образом - его вдова ... была полна решимости выполнить его последнюю волю и дала мне добро на публикацию и этой работы.

Но и здесь я столкнулся с теми же проблемами, может быть даже с бóльшими в виду специфического характера содержания книги. Естественным местом публикации (несмотря на "те" места) был Израиль. К счастью, у нас там был близкий, родной, добрый, замечательный и всех нас любящий человек - друг, иными словами. Она была дальней родственницей

В.Л., старожилом страны и, что самое ценное в данном случае, журналисткой, прекрасно знающей свою профессиональную среду и конъюнктуру. Ей-то я, конечно, и переправил все труды В.Л., но и она мало преуспела, в том числе и с "Историей еврейского народа" - ей лишь удалось определить рукопись в библиотеку Иерусалимского университета.

Из всех нас преуспели только жившие в Москве дети В.Л., сын и дочь. Разговор у нас шёл о том, чтобы издать книгу сообща, в складчину, но сын нашёл издательство, взявшее на себя публикацию. Книга "О духовной истории еврейского народа" вышла только в 1998 году...

Не только предисловия к ней, как когда-то намеревался, я не написал, но и вообще никакого участия в издании книги или в подготовке к нему я не принимал. Сын Теуша, который этим занимался, ни о чём со мной не советовался и ничего со мной не обсуждал. Он лишь написал мне о готовившейся публикации, а потом прислал копию книги с дарственной надписью "на добрую память о семье Теуш". Всё это было бы в порядке вещей, если бы не два фактора: книга эта нуждалась в каком-то посредничестве между собой и читателем, и я был единственным человеком, который мог выступить в роли посредника. Сын Теуша не осознавал ни одного, ни другого. Почему?

Увы, он не был духовно близок к своему отцу, не разделял и не понимал его взглядов и не интересовался ими. Не думаю, чтобы он особенно интересовался и его творчеством, да и жизнью за пределами семейного круга. Конечно же он знал о моих особых отношениях с его отцом, но плохо представлял себе нашу духовную, душевную, человеческую, даже семейную близость (Теуш "увековечил" её в заключительной главе своей книги трогательными словами о моей дочери - "моя любимая малышка Оленька"). Насколько далёк он был от всего того, что нас связывало и чем мы жили, видно по такому эпизоду, поразившему нас с женой: когда во время его визита к нам в Англию речь зашла о ["Необходимом разговоре с Солженицыным"](#), где описаны самые драматические события в жизни его отца (да и матери, с которой он был особенно близок), он не мог вспомнить содержания книги, которую "вроде бы" читал.

В общем-то, отсутствие духовной близости между различными членами семьи является довольно заурядным явлением, которое в данном случае ничем не осложняло семейных отношений и не помешало осуществиться главному - посмертному изданию основного труда автора. Но сделано это было, вместе с тем, не лучшим для автора образом.

Техническая сторона не является, конечно, главной в книге, но некоторые очевидные погрешности печати и сверки текста книгу не украсили. Не украсили её, с моей точки зрения, и иллюстрации, помещённые на фронтисписе, причём без всяких пояснений. Возражение у меня вызвали не сами иллюстрации, которые являются произведениями искусства, а их неуместность в *этой* книге в качестве выразителей её сути и основного мотива. Иллюстрации носят ярко выраженный

христианско-церковный характер, и хотя роли Христа и христианства (но не церковного) в судьбе и будущем еврейского народа отведено в книге особое место, книга всё-таки посвящена истории *еврейского народа*, который на сегодняшний день - ни исторически, ни в сферах культуры, ни в сознании людей, ни, прежде всего, в самой книге - не идентифицируется с Христом и христианством. Если уж снабжать эту книгу иллюстрациями, то есть немало замечательных произведений искусства - христианского, разумеется, ибо такое искусство запрещено иудаизмом, - посвящённых различным эпизодам и персонажам еврейской истории, о которой с таким проникновением пишет автор.

Но главным в книге является всё-таки авторский текст, и я был рад, что наконец-то, несмотря на некоторые погрешности, он дошёл до читателя. Я сам перечитывать его не стал, прочитал лишь текст Г.С. Померанца, о чём речь ниже. Но сейчас, при подготовке нового издания, я прочитал книгу и обнаружил в ней не только опечатки, но явные ошибки и неточности, вынудившие меня обратиться к имеющейся у меня рукописи (я не сомневался, что книга печаталась по точно такой же, имевшейся у сына Теуша). И тут при сверке выяснилось, что перед печатанием книги текст рукописи Теуша подвергся чуть ли не построчному редактированию и "причёсыванию".

К сожалению, теперь, когда нет в живых ни сына Теуша, ни, судя по всему, самого издательства, невозможно установить, кто и на каком основании решил предпринять такую операцию. Но это и не так уж важно сегодня. Я не сомневаюсь, что редактор, проделавший большую работу, руководствовался самыми лучшими намерениями. Однако для настоящего издания книги я вынужден отвергнуть результаты его труда. И вот по каким причинам. Что текст Теуша, как и любого почти автора, может только выиграть от добросовестного редактирования, не вызывает сомнений. Частично это и имело место в данном случае. Но при этом произошло и другое: в книге появились ошибки, купюры и дополнения - даже в цитатах, а в ряде случаев - и недопустимое искажение или переиначивание авторской мысли и привнесение вместо неё редакторской. Даже заголовки переделывались, а авторские эмфазы почти все исчезли, но возникли новые. Помимо этого, замена свойственных данному автору слов, выражений и оборотов речи на более "литературные" (в кавычках и без) лишает текст индивидуальности и так важного здесь живого и неординарного авторского присутствия.

Такие переделки текста, - если только они не дело рук самого автора, - я считаю недопустимыми. Но в том-то и дело, что я не был уверен, что все их можно отнести на счёт редактора. Говоря конкретно, перекомпоновка текста в ряде мест и некоторые купюры и дополнения были по своему объёму и характеру таковы, что трудно было допустить, чтобы кто-то мог позволить себе такую беспрецедентную вольность, превращавшую редактора в соавтора. Но тогда надо было допустить другое: рукопись, с которой работал редактор, не идентична той, которая имеется у меня. А если это так, то какая из них является последней, окончательной?

Как я уже сказал, выяснить это сегодня не у кого, как и нет возможности положить обе рукописи рядом и сравнить. Но целый ряд доводов (я всё же не решаюсь назвать их фактами) говорит в пользу того, что именно мой экземпляр рукописи является последним. Во-первых, зачем Теушу надо было переправлять мне (нелёгкое по тем временам предприятие) промежуточный, а не окончательный вариант рукописи, когда я был его единственной надеждой на то, что она превратится в книгу? А если он внёс в рукопись изменения уже после её переправки, почему же он ни разу не упомянул мне об этом, продолжая, между тем, постоянно справляться о её публикации? И я сомневаюсь, что Теуш стал бы "в последнюю минуту" вносить обнаруженные мной изменения в рукопись, над которой работал несколько лет. Да и возможности у него такой уже не было, ибо "последняя минута" - это несколько месяцев после переправки мне рукописи, которые Теушу оставалось жить и в течение которых физические и духовные силы быстро оставляли его: он плохо себя чувствовал, болел, лежал в больнице, где и умер...

А дальнейший сравнительный анализ рукописи и книги подтвердил мои предположения и выводы. В частности, в моём экземпляре рукописи рукой Теуша сделаны, с одной стороны, дополнения, которых нет в книге, а с другой - купюры текста, который в книге остался. Это, как и ряд других факторов, говорит о том, что именно мой экземпляр, а не тот, по которому печаталась книга, является окончательным. Поэтому он и взят за основу для настоящего издания книги.

Если редактору нельзя предъявлять претензии за сделанные автором изменения, о которых он ничего не знал, то за его собственные переделки, указанные выше, - можно. Я уверен, что они были бы неприемлемы в первую очередь для самого Теуша. Чтобы у читателя не оставалось никаких сомнений на этот счёт, мне приходится снова возвращаться к своей книге и к самому Солженицыну, даже цитировать его. Ибо это тот редкий случай, когда он говорит правду, по крайней мере, в теушевском контексте. Солженицын пишет о том, что Теуш просил его передать мне рукопись своей книги "с завещанием" - "напечатать без всяких изменений, исправлений, сокращений". Несмотря на то, что ни рукописи, ни "завещания" я от или через Солженицына не получал, я знал о таком пожелании Теуша. А пожелание автора, тем более почившего, должно выполняться. Что я и делаю в данном случае. И если в некоторых местах я всё же решился на чисто косметическую, но необходимую правку, даже с частичным оставлением предыдущей, то это уже дело моей личной ответственности перед Теушем. Я также взял на себя смелость и ответственность сделать, помимо правки, и несколько, самых минимальных, текстуальных изменений - не только не меняющих авторского смысла, но делающих его более доходчивым и доступным для читателя.

А теперь о тексте Григория Померанца, который сын Теуша в письме ко мне, - а потом и я в своей книге, чтобы не вдаваться в подробности, - назвал предисловием. Возможно, он и предполагался вначале в качестве предисловия, как и должно быть в таких случаях, но в самой книге оказался в конце, в виде послесловия, и был озаглавлен "Страстная и беспокоящая книга". Я уверен, сын Теуша был очень рад,

заручившись согласием на сотрудничество такого видного публициста. Но сам Померанц, мне кажется, не должен был соглашаться принимать участие в этой книге. И вот почему.

Они с Теушем были знакомы лет десять и уважительно относились друг к другу - и чисто по-человечески, и как творческие индивидуальности; многое сближало таких людей в то время - они были редкими островками настоящей культуры и интеллигентности в затхлом советском болоте. Но внутренней, духовной близости между ними не было - водоразделом здесь было антропософское миропонимание и мироощущение Теуша. Со стороны Померанца это не определялось, как в случае с сыном Теуша, просто отсутствием интереса. Как человек широко образованный и эрудированный, как культуролог, он интересовался всеми основными культурными явлениями, по крайней мере, литературы и философии, о чём я мог судить как читатель (я пишу в прошедшем времени в соответствии с описываемыми событиями). Но по крайней мере одно явление, если он даже серьёзно интересовался им и изучал, в чём я сомневаюсь, он так и не понял - антропософию и её основателя Рудольфа Штайнера.

Говорю это на основании собственных личных контактов с Померанцем. Я познакомился с ним в то же время, что и Теуш, но наши контакты были в основном эпистолярными, после моей эмиграции (фрагменты нашего диалога попали в мой материал "[О "Розе мира" Даниила Андреева](#)"). Антропософия, составлявшая основу мировоззрения, творчества и жизни Теуша, была чужда и, как я сказал, непонятна Померанцу. Эта была худшая форма непонимания, когда человек не замечает его и рассуждает о предмете, в котором является полным невеждой (но как невежество может сочетаться с огромной эрудицией - вот действительно интересный вопрос, но не для настоящих заметок).

Как же такой человек мог представить читательской аудитории книгу, которая без антропософии и не могла быть написана, и не может быть понята? Ответ очень простой - никак. Померанц и не представляет книгу, которая по большому счёту не только им не понята, но и не нравится ему. Поэтому, оставаясь верным себе и правдивым по отношению к читателю и искусству, он не лицемерит из ложно понимаемого уважения к памяти автора и делает единственно возможную для себя вещь - пишет на книгу рецензию. Отрицательную, разумеется, которая начинается "за здравие" - "книга вызывает сомнения", а кончается за упокой (без кавычек) - "книга постоянно вызывает возражения". Такая рецензия - вполне объяснимая реакция данного читателя и критика, но только что она делает в самой книге, где автор-гость призван мостить для читателя дорогу к автору-хозяину, а не покрывать её рытвинами да колдобинами?

В книге рецензия Померанца, заключающая авторский текст и этим как бы подводя ему итог и вынося окончательный приговор, оказалась инородным телом. Вот почему её нет в новом издании. Но, как всякая рецензия, она, безусловно, имеет право на существование, и для меня она встала в один ряд с несколькими другими реакциями или рецензиями на книгу, о которых мне стало известно. Реагировать на

них - подробно, сейчас, здесь - не входит в мою задачу. Исключение я делаю лишь для рецензии Померанца, поскольку она оказалась неправомерно прикрепленной к авторскому тексту.

В ней проглядываются три темы: (1) изложение собственных взглядов рецензента по тем или иным вопросам, (2) критика антропософии и (3) сама книга и её автор. Первая тема вообще к основному содержанию книги никакого отношения не имеет, хотя и может представлять, так сказать, общественный интерес. Вторая тема, где критике подверглись, помимо самой антропософии и её основателя, даже антропософы в Европе (ума не приложу, как Померанц разглядел их из своей московской квартиры, да ещё в виде несуществующей "религиозной общины"), бросает косую тень на автора и подрывает саму основу его книги. Должен сказать, что эта тема была и предметом моей переписки с Померанцем, но я не думаю, что есть смысл выносить её сейчас на общественную арену, тем более что однажды я это уже сделал: мой материал ["Такой антропософии нет"](#) можно считать обобщённым ответом на критику подобного рода (то есть с претензией на знание предмета, но без оного).

Что же касается третьей темы, где ложка добрых слов в адрес книги и автора содержится в бочке критических замечаний, мне хочется извлечь лишь одно, в котором верность посылки соседствует с читательской слепотой. Суть его сводится к тому, что книга Теуша была рождена, помимо прочего, эйфорией Шестидневной войны 1967 года и что, соответственно, "страстная эмоциональность преобладает в ней над развитием идей". Да, эмоциональный всплеск в душах советских евреев, произведённый Шестидневной войной, явился толчком не только для такого скромного деяния, как книга Теуша. Он совершил переворот в этих душах, превратив эмоции в слова и в дела. Рождённые им слова, не сознавая их далеко идущих последствий, горстка храбрецов бросила как вызов советским властям - "Отпусти народ мой!" Этот вызов ударил в самое сердце системы, от чего она дрогнула и зашаталась, а затем пробил в ней брешь - и она, в конце концов, рухнула (эта историческая цепочка легко просматривается, особенно теми, кто был участником или живым свидетелем тех событий).

Так что вот к каким результатам могут привести эмоции - к огромным общественным сдвигам! Во всяком случае, эмоции вовсе не исключают не только слов и дел, но и мыслей и идей. И не исключили, не подавили и не вытеснили эмоции Теуша, при всём их накале, его идей, а, наоборот, способствовали их рождению и развитию. Но если их не увидел - по какой-то бы ни было причине - Померанц, профессиональный писатель, исследователь и критик, притом хорошо знавший и уважавший автора, насколько же, в таком случае, труднее заметить их обычному, "рядовому" читателю, для которого книга и была написана.

Я предвидел эту трудность задолго до того, как Померанц написал свою рецензию, вот почему и хотел выступить в роли посредника между читателем и книгой. Но того посреднического текста, которым я думал в своё время сопроводить публикацию этой книги, к новому её изданию я не написал. Сегодня он просто

невозможен, ибо необходимо считаться с существующей реальностью: книга была опубликована десять лет назад, и 2000 её экземпляров разошлись по свету, осели в личных библиотеках и попали в общественные. На неё были написаны рецензии, некоторые из которых зафиксировал интернет. Так что сегодняшний мой текст - не в предварение выхода книги в свет, а вдогонку за ним. Но поскольку трудность правильного понимания мыслей автора с выходом книги лишь подтвердилась - по крайней мере, в случае некоторых читателей, - я предпослал её теперешнему изданию небольшое пояснительное предисловие. А сейчас я хочу поговорить об этом более конкретно и подробно. (Я не сделал этого в предисловии, потому что детальный и конкретный разговор с читателем о том, с чем он пока незнаком и о чём не составил ещё собственного мнения, был бы для него в лучшем случае абстракцией, а в худшем - навязыванием чужих суждений и оценок.)

Трудность, о которой идёт речь, содержит в себе две составляющие - "что" и "как", то есть *что* автор говорит и *как* он это говорит. Но им предшествует третья - "о чём", то есть *о чём* говорит автор. Эта последняя может показаться на первый взгляд надуманной, ведь автор заголовком своей работы указывает на её содержание. Так-то оно так, но по большому счёту - и об этом уже говорилось в предисловии - за всем тем, о чём пишет Теуш, стоят его раздумья и тревоги о судьбе еврейского народа. Не в смысле "Ах, что же это такое с нами делается!" или "Ох, что же с нами будет дальше?" - это для него уже давно пройденный этап, если он его вообще когда-нибудь проходил. Его мысль и боль о своём народе идут гораздо глубже: "Для чего мы были созданы? Что делаем здесь на земле? Почему так особо отмечены среди других народов - и хорошим и плохим?"

Если читатель никогда не задумывался о смысле бытия и своего собственного существования, а также о смысле существования своего народа, ему уже изначально будет трудно уловить центральный нерв этой книги. Он будет вырывать из неё привычные и знакомые слова и словосочетания, не видя за ними более глубокого и широкого контекста и не подозревая, что они могут иметь совершенно иной смысл, чем тот, который вкладывает в них он сам.

Вообще-то еврей должен в этом отношении находиться в лучшем положении, чем другие. Даже если он, как индивидуум, далёк от поиска смысла своего еврейства и от еврейского духовного наследия, он всё равно где-то краем уха что-то такое слышал об "избранности" своего народа, даже если понятия не имеет о том, что она означает, или же, хуже того, настрадался от неё. А религиозному еврею и задумываться над этим вопросом не надо - ответ на него испокон веков находится в анналах иудаизма и даже составляет его суть. Но читатель этой книги, принявший такой ответ, почувствует себя на её страницах ещё неуютнее, чем без всякого ответа, ибо Теуш считает, что на сегодняшний день этот ответ и его источник несостоятельны. А то, что он сам предлагает, - в качестве ответа и его источника, - составляет для любого, не знакомого с этим источником читателя, то самое "что"-препятствие, которое я в своём предисловии посильно пытался помочь ему преодолеть.

Преодолеть препятствие в данном случае означает необходимость встать, хотя бы на время чтения книги, на точку зрения автора. Здесь действуют те же правила, что и при знакомстве с любым другим новым материалом или предметом. Если предмет тебе незнаком (скажем, биология), то ты ничего не поймёшь в биологическом исследовании, а если при этом ещё вздумаешь давать оценки, то они только вызовут улыбку специалистов. Точно такая же связь существует между духовной наукой Рудольфа Штайнера и книгой Теуша. Поэтому читатель, если он хочет понять суть этой книги, должен понять и принять определённые послышки духовной науки.

В книге они представлены, хотя и в очень сжатом виде. Чтобы ещё раз не отсылать читателя к первоисточникам, я приведу их здесь в несколько расширенном виде. Самое первое и самое главное из них и самое, пожалуй, трудное состоит в том, что помимо нашего физического мира существует его прародитель - невидимый, но реальный духовный мир. А созданная в начале прошлого века духовная наука исследует его, сообщая нам *духовные факты* об обоих мирах. Мы остановимся лишь на тех нескольких, которые необходимы для понимания авторских выкладок.

Божественные существа духовного мира создали для человека физический мир - временное место его обитания и ученичества, которое он должен использовать для выработки в себе качеств, способных поднять его до божественного уровня и поставить в один ряд с богами (такое ученичество в духовном мире было невозможно для человека). По завершении этого процесса человек возвращается к чисто духовному состоянию, и физический мир прекращает своё материальное существование.

Однако не всё пошло по божественному плану. Через какое-то время после того как, в соответствии с этим планом, человек получил духовную независимость и свободу действий на земле, это привело к тому, что процесс материализации и физического мира и самого человека зашёл настолько далеко, что стал практически необратимым. То есть человек сам, своими силами, остановить и повернуть его в нужном направлении не мог, даже если бы вдруг осознал содеянное. Это могло сделать только божественное существо, причём самого высокого ранга. Но сделать не посредством каких-то внешних мер или действий, а единственно возможным путём - отдав, пожертвовав человеку, земле, физическому миру часть своей субстанции, как бы став "донором". А для этого этому существу необходимо было сначала *стать человеком* - войти в физическое тело человека, жить и действовать в нём, как человек, и умереть, как человек. В подготовке этого сложнейшего, даже для духовного мира, деяния участвовал весь космос (Штайнер дал подробное и всестороннее, захватывающее дух описание этого процесса). Но прежде чем говорить о нём дальше, я хотел бы сделать небольшое отступление личного порядка.

Лет через пятнадцать после моей эмиграции уехала со своей семьёй в Израиль моя тётя, которая вскоре посетила нас в Англии. Мы всегда были очень близки, наша встреча была волнительной, и тётя, постаревшая, но с тем же живым умом и

неиссякаемым интересом ко всему происходящему, хотела знать всё о том, как и чем мы жили эти годы. С этой целью она составила список вопросов, на которые я должен был давать обстоятельные ответы. Вопросы были от бытовых до "теоретических" (например, что такое "менталитет" - новое тогда слово в русском лексиконе), но среди них оказались два, которые я никак не ожидал услышать - об антропософии и о Христе.

Должен сказать, что к тому времени у меня уже был некоторый опыт ответа на эти вопросы, хотя все мои предыдущие аудитории обладали несколько бóльшим интеллектуальным багажом. Но главная трудность заключалась здесь для меня не в умственной сфере, а в душевной, ибо всё, что связано с Христом, действует на еврея, особенно поколения моей тётки, как взрывная смесь. За примерами мне далеко ходить не надо было. Однажды наша московская соседка, художник-реставратор, работавшая одно время реставратором церквей, подарила нам небольшую иконку. Когда моя мама увидела её у нас в доме, с ней чуть не случился апоплексический удар, так что иконку нам пришлось убрать. А теперь вот - моя тётка.

Как бы то ни было, я знал, что на такие вопросы нельзя давать стандартные, заученные ответы, что ответ в каждом случае должен быть индивидуализированным, приспособленным к слушателю, отталкиваться от него. Такой ответ я и постарался дать в данном случае. Хотя времени на раздумывание и подготовку у меня не было, я решил отвечать на эти вопросы не "в лоб", а в широком историческом контексте. Начал я с самого начала - с "сотворения мира", рассказав, в доступной для моего слушателя форме, о двух мирах, о начале и смысле земной эволюции и о различных её этапах.

Я никогда не имел ещё такого благодарного слушателя. Тётка была вся - внимание, она, что называется, смотрела мне в рот, хотя на самом деле неотрывно смотрела мне в глаза и слушала, не прерывая меня ни словом, ни движением. Не отягощённая грузом интеллектуальных и научных знаний и догм (поистине - блаженны нищие духом), она буквально впитывала каждое моё слово. Так я дошёл в своём рассказе до того же момента, что и здесь несколькими абзацами выше - до необходимости вмешательства в нашу эволюцию, для спасения её, высшего духовного существа. Но как только я произнёс: "Вот это существо и есть Христос", с тёткой сделалось то же самое, что много лет назад с мамой. Она вскрикнула, даже закричала, схватила за сердце, и я серьёзно опасался, что с ней может произойти сердечный приступ.

Но причины шока, пережитого мамой и тёткой, были различны. Тёткин шок был вызван резкостью, неожиданностью перехода от чего-то нового, интересного, увлечшего её и захватившего в тот момент всё её существо, к чему-то привычно-отталкивающему, чем это новое и интересное вдруг оказалось. Её эмоциональная реакция была неосознанной, инстинктивной, и если бы тётка была моложе, этот шок был бы полезен для неё. Он мог бы пробудить в ней новые внутренние импульсы, заставить задуматься о чём-то новом и переосмыслить свои старые представления.

Подобные шоки очень полезны в жизни, и они не раз оказывались благотворными и приводили к замечательным результатам.

Вот с таким трудным "что" в книге Теуша сталкивается читатель-еврей. Ибо Христос ассоциируется у него в лучшем случае с колокольным звоном и крестящимися старушками, с иконами и крестами и прочей неприемлемой для него атрибутикой. А в худшем - с антисемитскими выпадами и проявлениями ненависти, с преследованиями и погромами, с крестовыми походами и обвинениями в ритуальных убийствах. И вдруг этим именем называют самое высокое божественное существо, которое к тому же играет центральную роль в эволюции мира и человека и оказывается при этом неразрывно связанным с еврейским народом. Как же это возможно воспринять, понять, принять?

Я могу утешить еврейского читателя лишь тем, что здесь он находится не в одиночестве; правда в компании, куда он таким образом попал, он меньше всего ожидал оказаться. Как и ему, хотя в силу совсем иных причин, так же трудно понять и принять духовные факты, касающиеся истинного места и роли Христа в мире, и традиционному христианину, особенно ревностно-верующему, особенно священнослужителю. Говорю это на основании личного опыта, и именно в свободной, толерантной и либеральной Англии мне пришлось услышать из христианских уст направленное в адрес Штайнера самое страшное христианское поношение и проклятие - Антихрист.

Так что читателю, нагруженному традиционно-церковными представлениями о Христе, придётся оставить их за пределами книги Теуша и принять духовные факты о Христе, сообщаемые антропософией. В противном случае ему лучше книгу проигнорировать или просто принять её содержание к сведению, воздержавшись от оценок и критических суждений. Но если читатель нашёл в себе силы справиться с теми "что" книги, о которых шёл разговор до сих пор, он сможет справиться и с остальными. Следующее касается взаимосвязи между духовной сущностью человека, его Я, и его физическим телом.

Суть этой связи может быть выражена очень просто: физическое тело человека является сосудом и инструментом его Я для жизни и деятельности в физическом мире. Отсюда должны быть понятны предъявляемые к нему требования. В качестве сосуда оно должно быть способно принять в себя духовную субстанцию и быть её надёжным носителем. В качестве инструмента оно должно быть приспособлено к тем задачам, которые Я человека предстоит выполнять в жизни. Поскольку каждый человек является индивидуумом, наши тела в высшей степени индивидуализированы и соответствуют уровню нашей духовной организации.

(Перечитал написанное и ещё раз увидел, как трудно говорить о духовных фактах отрывочно, без полного контекста. Ведь у читателя может возникнуть естественный, хотя и не имеющий прямого отношения к нашему разговору, вопрос: а как это отнести к людям, которые рождаются с ненормальным физическим телом или Я, а то и с обоими вместе? И здесь ответ может быть только отрывочным,

почти односложным. В отличие от физического тела - Я, дух никогда не может быть ненормальным, больным, дефектным или "дефективным", а только - более или менее развитым, с добрыми и "хорошими" или злыми и "плохими" качествами и т.п. Его кажущиеся ненормальность, неполноценность или неадекватность являются результатом того, что его физическое тело не даёт ему полностью проявиться в нём. Это происходит с каждым человеком - в детстве и старости, в период становления и увядания физического тела. Но в ряде случаев, которые мы считаем ненормальными или даже трагическими, физическое тело на протяжении всей жизни лишает Я возможности проявить себя в полную силу своих возможностей и способностей. Почему это происходит - этот вопрос определённо не может быть здесь предметом рассмотрения.)

Миллионы лет ушло на создание этого совершенного сосуда-инструмента человеческого Я. И именно ему грозила, в первую очередь, надвигающаяся необратимая материализация мира, которая делала его непригодным для непрерывно развивающегося и совершенствующегося Я. Но пока эта необратимость ещё не наступила - и для того, чтобы она не наступила, - этот сосуд-инструмент должен был принять в себя Высшую Субстанцию, для которой он приспособлен не был. Чтобы понять его непригодность, надо попытаться хотя бы приблизительно представить дистанцию между этой Высшей Субстанцией, Христом, и самым высоким человеческим Я. Для этого мы можем воспользоваться замечательной помощью, которую Михаил Чехов с этой же целью предложил своему другу в одном из писем к нему.

Вначале он говорит о божественных существах духовного мира, называя их, в соответствии с теологической традицией, Ангельскими Чинами. Таких Чинов девять, по уровню их развития, и Чехов называет их всех, начиная с Ангелов, Архангелов и т.д. и кончая Серафимами. Далее он пишет:

Конечно, одни имена этой Ангельской иерархии ничего нам не говорят. Но пока не будем отвлекаться описанием сущности и космической творческой деятельности каждого Ангельского Чина в отдельности. Попробуем вместо этого представить себе всю восходящую *высоту сознания* их, начиная с Ангелов и кончая Серафимами. Как это сделать? Сравнительно легко мы можем вызвать в своём воображении разницу между сознанием гениального человека и животного. Теперь попробуем приложить ту же "мерку" по отношению к человеку и непосредственно над ним стоящему Ангелу. Это окажется несколько труднее, но всё же при этом можно пережить некоторое благоговейное изумление перед высотой Ангельского сознания. Теперь пойдём дальше и "измерим" таким же образом высоту Архангельского сознания по отношению к Ангельскому. Что же получится? Получится, пожалуй, какое-нибудь "Ох!" или "Ах!", но уже ясного представления не будет. А ведь нам нужно ту же "мерку" (в высшей степени приблизительную, разумеется) приложить ещё семь раз, чтобы подняться до сознания Серафима!

Ясно, что разум современного человека не в состоянии проделать этого. Однако результат попытки такого "измерения" всё же окажется положительным: человек *переживает* неизмеримость высоты и силы всё возрастающего сознания Чинов Ангельских. Этого чувства, этого переживания *неизмеримости* так не хватает современному человеку, искренно стремящемуся к духовному познанию, к духовной жизни! Мы, люди, так легко произносим Святые и Священные ИМЕНА, так "очеловечиваем" их, что, сами того не подозревая, ставим себе этим самым тяжкие преграды к достижению наших духовных целей. Я уверен, что Вы согласитесь, что такое "очеловечивание" есть тоже род произнесения Имени Божия всуе, как бы род богохульства. Правда, у нас нет другого способа, помимо способа *произнесения* Святых Имён, если мы хотим беседовать на духовные темы. Но пусть же тогда чувство *неизмеримости* стоит на страже каждый раз, когда мы произносим Святое Имя...

Итак, если у Вас ещё есть терпение, пойдём дальше, собственно к цели нашего разговора. Как непосредственно под Ангелами находится Человечество, так и *над* Серафимами возвышается то Существо, Которое мы называем *БОГОМ*. Тут уже никакой "мерки" прилагать нельзя и не следует. Тут уже понятие *неизмеримости*, пожалуй, не годится. Тут, как умирающий Гамлет: "Конец... Молчание!.."

Вот здесь и находится Христос - одна из ипостасей *БОГА*. Но если, как показал Чехов, теперешнему человеческому сознанию невозможно осмыслить всю восходящую высоту божественного сознания, а можно лишь путём аналогии приблизиться к этому осмыслению, то и осознать непригодность - для этой восходящей духовности - физического тела, созданного для человека, можно лишь с помощью приблизительной и упрощённой аналогии. Скажем, можно ли заполнить бумажный пакет водой? А кипятком? А расплавленным металлом? А солнечной субстанцией?

Но физическое тело человека (бумажный пакет) необходимо было сделать пригодным для Высшего Божественного Существа (для солнечной субстанции). И вот для выработки такого пригодного тела - единственного, уникального, "одноразового" - божественными существами был выбран народ - неразумный, строптивый, капризный, упрямый, ничего не знавший о своей миссии и не понимавший своего предназначения, стенавший под бременем предъявленных к нему требований и дисциплинарных мер и стремившийся при каждом удобном и неудобном случае сбросить с себя это тяжёлое и непонятное бремя.

Но ему не давали это сделать - ведь на него была сделана ставка, вся дальнейшая эволюция мира и человека зависела от выполнения им своей миссии. Вместе с тем в помощь ему было дано духовно всё лучшее и совершенное, что могло быть дано человечеству на том этапе его эволюции. Ибо необходимое физическое тело не могло быть создано вне духа и не могло обогнать его в своём развитии. Их развитие и совершенствование шло рука об руку. И если народ был призван

создать совершенное физическое тело, то и дух его должен был быть совершенен. Поэтому в него вливались и питали его самые высокие духовные импульсы.

И еврейский народ выполнил свою миссию, духовную и физическую. Он дал миру духовную сокровищницу и создал, в течение сорока двух поколений, самое совершенное за всю историю человечества тело. Правда, и оно едва-едва смогло продержаться в себе Высший Дух в течение всего трёх лет. Но этого срока оказалось достаточно, чтобы это Существо могло влить Свою Субстанцию в человечество, в каждого человека, в землю, в весь наш физический мир и таким образом спасти его от верной гибели. С этого момента начинается совершенно новый этап человеческой эволюции.

Еврейский народ ничего не знал об этом. Как, впрочем, и другие народы, даже те, которые потом стали христианскими. Конечно, были отдельные индивидуумы, которые обладали теми или иными оккультными знаниями об истинной сути Христа и Его земной миссии. Было немало и таких, кто воспринял начавшие действовать импульсы Христа прямо в своё сердце и волю, чтобы претворить их в жизнь. Такие люди есть и сегодня. Но, в общем, сегодняшний христианский мир, хотя и живёт по новому летоисчислению, ещё очень далёк от истинного понимания события Голгофы, не говоря уже о сознательном восприятии и претворении в жизнь новых духовных импульсов, вошедших и входящих в человеческую эволюцию в результате этого события.

Правда, до недавнего времени в мире не было общедоступных знаний об истинном смысле этого события, как и других духовных знаний, необходимых человечеству. С начала прошлого века такие знания есть - в виде духовной науки Рудольфа Штайнера. Теперь каждый ищущий человек может эти знания получить. Теуш был таким ищущим человеком, и он, в доступных ему пределах, духовные знания получил и использовал в своей книге. Использовал в том объёме, в каком я их вновь представил сейчас читателю для самопроверки - смог ли он справиться со всеми новыми для него "что" и правильно воспринять духовные факты?

Описав успешное завершение еврейским народом своей миссии, Теуш в своём последующем повествовании уже больше не опирается на духовные факты. По той простой причине, что духовные факты, касающиеся дальнейшей и современной судьбы еврейского народа, Теушу в то время, в Советском Союзе, известны не были. И насколько известно мне сегодня, на Западе, таких фактов нет. Штайнер, если он их и исследовал, их не обнаружил. Он говорил или писал по "еврейскому вопросу", но как обычный человек, а не духовный исследователь, не посвящённый. И разница здесь существенная: между мнением, пусть самым авторитетным, и фактом. Насколько она проявилась в данном случае у Штайнера (мы с Теушем касались этого в нашей переписке) - тема особая, но к самому Теушу эта разница имеет прямое отношение. Ибо он в своей книге не только излагает факты, но и комментирует их.

До определённого момента исторические факты в его повествовании шли рука об руку с объясняющими их фактами духовными. Но в своём последующем повествовании Теуш, как было сказано выше, уже больше не может подкрепить или объяснить исторические факты духовными. Он может лишь предложить - не в замену им, а как свой вклад в уяснение прошлого и настоящего еврейского народа, - своё понимание, своё мнение, свои суждения. А они, по определению, субъективны, и их ценность определяется двумя факторами. Один, опять же субъективный - насколько они помогают читателю в понимании данного вопроса, и здесь вердикт каждого читателя имеет равную силу. Другой же фактор носит объективный характер - насколько они выдержат проверку временем и, самое главное, духовными фактами, когда они станут известны. Вот здесь окончательный приговор относительно суждений Теуша вынесен ещё быть не может. И всё же ни тот, ни другой фактор не мешает нам коснуться некоторых из них.

Я говорю "некоторых", потому что есть другие высказывания Теуша, которые я намеревался не просто коснуться, а подробно обсудить, но, к большому сожалению, должен отказаться от своего намерения. Высказывания эти касаются самого, пожалуй, главного, ради чего и книга была написана, - настоящего и будущего еврейского народа и Израиля. Но при обсуждении этих высказываний я вынужден был бы выйти за пределы книги и говорить уже и о своих собственных мыслях и личном опыте, которые для меня, в данном случае, неразрывно связаны, хотя и не однозначно, с мыслями Теуша. А это вылилось бы в самостоятельную статью - тематически однородную с книгой, но не совсем уместную в рамках данного послесловия. Поэтому мне приходится оставлять эту тему незатронутой, продолжая далее обсуждение других.

Еврейский народ, в среде которого родился и проповедовал Христос, не пошёл за Ним и не принял Его учения. Несмотря на то, что первые ученики, первые последователи Христа, первые христиане и первое христианство - все они тоже вышли из еврейской среды. Одно из "христианских" объяснений этого парадоксального явления состоит в том, что если бы евреи сразу же приняли христианство, оно могло так и остаться, по крайней мере, на очень долго, исключительно еврейским достоянием. Теперь же, как и должно быть, христианство распространилось по всему миру, а еврейский народ, в конце концов, тоже станет на путь христианства.

Как бы то ни было, Теуш рассматривает отвержение Христа как трагедию еврейского народа, начавшуюся две тысячи лет назад и продолжающуюся до сегодняшнего дня. И это ещё одно "что", стоящее препятствием на пути еврейского читателя его книги. Но чётко ли видит читатель, что Теуш имеет здесь в виду? Для Теуша эта трагедия не только в тех страданиях, которым подвергался с тех пор еврейский народ, не внешняя, а внутренняя. Еврейский народ не увидел, не понял, не принял то *духовно-новое*, что вошло с Христом в мировую эволюцию и что только и является залогом будущего развития и движения вперёд. Отвергнув это, еврейский народ потерял свое духовно-моральное лидерство в эволюции человечества, стал отсталым и даже был отброшен назад, другими словами - из

авангарда человечества превратился в его арьергард. (Я очень надеюсь, что читатель не поймёт эти слова превратно - в том смысле, что еврейский народ оказался в морально-духовном смысле позади всех народов. Такая мысль была бы абсурдной. Хотя мерки здесь прикладывать рискованно, да и общепринятых мерок в этой области нет, всё же даже сегодня существует немало народов, чей уровень развития ещё неизвестно когда достигнет того, который давным-давно прошёл еврейский народ. Нет, превращение из авангарда в арьергард здесь понимается исключительно как внутренний, духовный процесс в самом еврейском народе, безотносительно к тому, на каком уровне находились или что делали другие народы.)

Другие же народы, принявшие христианство, не стали вдруг духовно-передовыми, как они не стали христианскими в истинном смысле этого слова. Но они стали на путь христианского развития, которое, несомненно, является передовым - надо быть слепым, чтобы не видеть внутренних и внешних признаков этого. Сегодня основной формой выражения христианства и приверженности ему является церковная. Но Теуш, что бы он сам ни пережил однажды в католическом костёле и о чём он с такой беспримечной откровенностью написал в последней главе своей книги, считал крещение и вообще церковную форму христианства неприемлемыми ни для себя лично, ни для еврейского народа.

Описывая и анализируя внутреннюю и внешнюю трагедию еврейского народа, его деградацию, "деформацию еврейской души", Теуш видит главных виновников этого в еврейской религии, иудаизме, и в её носителях, раввинах. И этим возводит ещё одно труднопреодолимое для еврейского читателя "что". Более того, на этот раз к "что" добавляется не менее трудновоспринимаемое "как" - нелюбимая характеристика, даже клички, которыми Теуш награждает раввинов. Он, конечно, не был первым и не будет последним критиком раввинизма и иудаизма, но беспощадность его критики, её тон, может озадачить, если не ранить или даже возмутить, некоторых еврейских читателей.

Меня он, по крайней мере, озадачил в своё время, и я спросил Теуша, должен ли он быть таким резким, надо ли *так* критиковать раввинов. В ответ он спросил меня: "А вы их знаете, вы их видели?" Нет, я не только не знал, но и никогда не видел раввинов - ни одного. Но если бы и видел, и даже знал, и даже не одного, а нескольких, и даже если бы составил негативное мнение о них всех, это вряд ли бы могло явиться для меня основанием для такой обобщённой и бескомпромиссной публичной критики, которой подверг их Теуш.

Но Теуш имел в виду, разумеется, не моё визуальное или личное знакомство с тем или иным индивидуумом, а моё знание и понимание раввинизма как явления и его роли в современной истории еврейского народа. Нет, не было у меня такого знания и понимания. И не было того необходимого личного опыта, который это знание и понимание подкреплял. И самое главное - в отличие от Теуша, у меня не было той боли, тех эмоциональных переживаний, вызванных этим личным опытом, знанием и пониманием, которые в свою очередь вылились в такие резкие слова в адрес

раввинов. Я увидел в них "праведный гнев", но направленный не против враждебно-чужого, - экая невидаль! - а против своего, плоть от плоти и кровь от крови, и потому такой беспощадный. Он сродни гневу древних еврейских пророков, а в наше время - Бялика.

Не каждый способен на такой гнев и не у каждого есть на него право. Да и причины может не быть. У Теуша, с моей точки зрения, были и причина, и право. И если другим это трудно принять, пусть они обратятся к истории или к происходящему сегодня или же покопаются в собственном жизненном опыте и в своей памяти - может быть, и они отыщут там нечто, способное вызвать у них подобные чувства. Мне лично и копать не пришлось. В то самое время, когда я допрашивал Теуша по поводу его "праведного гнева", мне самому пришлось и испытать свой собственный, и выразить его публично. И направлен он тоже был против евреев, и тоже по своей силе был несравним даже с тем, что я испытывал по отношению к антисемитам. Им было наполнено написанное в марте 1970 года "Открытое письмо группе граждан СССР еврейской национальности", которое я позже включил в статью ["Из России в Израиль"](#) и в ["Необходимый разговор"](#). Может быть поэтому, помимо личной близости и приязни, мне было легче понять Теуша.

А сейчас я хочу коснуться самых трудных "что" и "как" книги Теуша, которые относятся и к самому тяжёлому событию в нелёгкой истории еврейского народа - к Холокосту. Многие люди, и не только евреи, задавались и задаются в связи с этой неподдающейся рассудку трагедией мучительными вопросами: Почему? За что? Зачем? Но разве не те же вопросы задаются часто в связи с гибелью людей и при менее драматических обстоятельствах?

Любая смерть, даже естественная, но особенно - преждевременная, особенно - насильственная, является для каждого нормального человека скорбным или даже трагическим событием. Материалистическое мировоззрение не видит в смерти ничего, кроме результатов действия либо естественных законов, либо слепого случая, либо чьей-либо злой воли. Религиозное мироощущение прибавляет к этому другое объяснение смерти, если и не более рациональное, то, во всяком случае, более утешительное: "Бог дал - Бог взял". Но для духовно-научного миропонимания за каждой смертью стоит действие духовных законов и причин, как индивидуальных, так и эволюционных. К примеру, преждевременная смерть молодого, в расцвете сил, человека может быть определена не только его личной судьбой (кармой), но и тем, что этот человек "понадобился" духовному миру (что, впрочем, тоже вписывается в его личную карму). То же относится к коллективной гибели людей - в результате ли несчастного случая (скажем, кораблекрушения), или стихийного бедствия (скажем, наводнения) или злонамеренных действий других людей (скажем, террористов).

Холокост - деяние человеческих рук и воли, беспрецедентное по своей жестокости, масштабам и замыслу. Но именно в виду беспрецедентности этой трагедии объяснение её чисто человеческими, лежащими на поверхности, причинами, не

может удовлетворить нас. Поэтому так трудно найти осмысленный ответ на эти мучительные "Почему? За что? Зачем?". Единственный ответ, который разум ещё может принять, который можно как-то уложить в еврейскую историю и обосновать фактическими событиями, состоит в следующем: Этой беспримерной жертвой еврейский народ заплатил миру за право иметь свою территорию, своё государство, своё будущее.

Теуш тоже даёт такой ответ, но в своём ответе он идёт и дальше и глубже. Он показывает, что периодические самопожертвование, "отсев", "отбор", оставление "святого семени", как бы вписаны в генетический код еврейского народа. Так что Холокост, превзошедший по своим масштабам и беспримерной жестокости все предыдущие "отсевы", явил собой, в этом смысле, очередной виток и подтверждение изначально особой и драматичной судьбы еврейского народа. Но зато этот исключительно трагичный, и будем надеяться - последний, виток и даст возможность еврейскому народу возродиться - не только внешне, в его государственности, но внутренне, в его деформированной за долгие две тысячи лет душе. И возрождение это не абстрактное, оно имеет чёткие духовные координаты. Оно означает принятие тех новых эволюционных импульсов, которые принёс Христос, и развитие в себе, прежде всего, так необходимого сегодня человеку нового - "святого", как назвал его Теуш, - мышления (развитию нового, соответствующего требованиям нашего времени, мышления и сознания духовная наука уделяет особое место, но обсуждение этого вопроса здесь, как и в книге Теуша, увело бы далеко в сторону от главной темы).

Однако, если еврейский разум ещё может принять такой ход истории еврейского народа, то еврейской душе справиться с ним труднее. В принятии "отсегов", происходивших столетия и тысячелетия назад, разум ещё может совладеть с душой, но когда бесчеловечный "отсев" проходит у тебя на глазах и в него попадают твои современники, твои близкие, тут разум просто отключается, тут душа вопиёт: "Я этого не хочу! Остановите! Этому нет и быть не может ни оправдания, ни объяснения!" Я думаю, даже евреи, посчитавшие эту жертву ненапрасной, все как один, будь на то их власть, даже сегодня повернули бы историю вспять и сохранили бы те шесть миллионов, как бы ни сложилась потом судьба всего еврейского народа.

Теуш, вне всякого сомнения, был бы в их числе, но он, пусть задним числом, увидел и понял неотвратимость случившегося. Не располагая раскрывающими его смысл духовными фактами, он пытается осмыслить его сам. Он увидел в нём "отсев", а в его жертвах - "исторический шлак". Вырванные из контекста, эти слова способны ранить душу каждого живущего сегодня и болеющего за свой народ еврея. Только не следует этого делать - вырывать эту фразу из контекста и растравлять ею себе душу, не дав сначала разуму сказать своё слово. Сначала надо внимательно и непредвзято прочитать соответствующие страницы книги и увидеть смысл сказанного, а потом уже можно, если будет желание, дать волю и эмоциям.

Теуш употребляет слово *шлак* с двумя прилагательными - *человеческий* и *исторический*, то есть *человеческий шлак* и *исторический шлак*. Первым он описывает деяния нацистских палачей в лагерях уничтожения: "Там увечили, растаптывали души, превращали живых людей в человеческий шлак". Вторым он пользуется впервые при описании событий, происходивших задолго до Холокоста: "Итог национальной деятельности Бялика был очень значителен. Именно после слов своего великого национального поэта-пророка еврейский народ должен был либо сгинуть с лица Земли как исторический шлак, чтобы перестать позорить её, либо воскреснуть".

Когда же Теуш пользуется этой метафорой в отношении жертв Холокоста, он оговаривает её употребление предположительными выражениями - "может быть", "должны были". И иначе он поступить не мог. Если *человеческий шлак* - дело рук человеческих, преступление, то *исторический шлак* - деяние Бога, трагическое для нас и непонятное, но вместе с тем необходимое. И действительно, если такая избранническая и массовая гибель евреев - не "отсев", не "исторический шлак", в который по необходимости периодически превращаются в ходе мировой эволюции отдельные индивидуумы, группы людей, народы, расы и даже целые континенты, то что это тогда такое?

И ещё говорит Теуш читателям, не знакомым с духовными законами бытия, что для каждого отдельного индивидуума, попавшего в "отсев" в качестве жертвы нацистских лагерей (или сталинских, или в силу каких-либо других обстоятельств), эта страшная смерть оказывается, в конечном счете, духовным благом, ибо "есть непреложный духовный закон: испытание болью, страданием увеличивает силу воли, а, следовательно, и душевную силу, с которой мы приходим в мир". И этим не исчерпываются последствия действий созидательных и облагораживающих сил в людях, принявших мучения Холокоста. Как сказал мне однажды один знакомый англичанин-антропософ, не еврей: "Знали бы нацисты, каким замечательным человеческим материалом, даже внешне, станут их жертвы-"унтерменши" в следующей жизни!"

Нет, жертвы этих людей не были напрасными ни для них лично, ни для человечества (создание государства Израиль можно вынести в данном случае за скобки). "Отсев" является уникальным духовным потенциалом человечества, который, согласно духовным законам, в предназначенное время вольётся в земное человечество в виде благой, оздоровительной субстанции. Более того, глядя на то, что происходит сегодня в мире, и на бесперспективность происходящего, я беру на себя смелость сказать, что этот "отсев" является, может быть, последней надеждой человечества.

(Я хочу позволить себе маленькое отступление, которое, я надеюсь, читатели не посчитают неуместным. Ибо по крайней мере у некоторых из них может возникнуть естественный вопрос: Если жертвы жестокостей получают в духовном мире заслуженное вознаграждение, то не должны ли и палачи понести не менее заслуженное наказание? Вопрос не новый, конечно, - он, как и ответ на него, в той

или иной форме присутствует во всех религиях. Но ответ, основанный на духовных фактах, говорит о том, что в духовном мире нет "вознаграждений" и "наказаний" в нашем смысле слова (но дары - есть!). В духовном мире есть *неотвратимые последствия* наших поступков, как хороших, так и дурных. Что касается последних, то человек, причинивший в физическом мире хоть малейшую боль другому человеку, в духовном мире испытывает её сам, многократно усиленной. Это не наказание, это духовный закон, которому, в данном случае, можно найти аналог в физическом мире: попробуйте стукнуть кулаком, да посильнее, в кирпичную стену - реакция стены не заставит себя долго ждать, но если кто вас в данном случае и наказал, то это не стена, а вы сами. Что касается нацистских палачей, то я не думаю, что их страдания в духовном мире можно охватить нашим воображением, да и заниматься нам этим не надо - "не нашего ума дело", как говорил в таких случаях Теуш. Но как бы мучительны ни были эти страдания, дополнительные страдания в следующей физической жизни могут для многих из них быть единственной возможностью победить в себе зло. Поэтому выражение: "Лучше быть жертвой, чем палачом" - не просто высокий нравственный принцип, а отражение суровой и неумолимой реальности. Но собственными страданиями в духовном мире не исчерпываются, разумеется, последствия плохих и злых деяний человека - самым важным последствием является возможность, в следующей жизни или жизнях, исправить содеянное зло и отплатить добром за причинённые страдания. Без этого были бы невозможны индивидуальное развитие и эволюция человечества.)

А теперь я снова вернусь к Теушу, но не как к автору книги, а как к человеку. Я хочу рассказать о связанном с ним маленьком, но показательном эпизоде. Один мой московский приятель, горячий сионист, очень хотел познакомиться с ним, и вот однажды я привёл его к Теушу. Разговор сразу же зашёл об Израиле, о главном тогда вопросе - "ехать - не ехать", и Теуш сказал, что если бы не родные, он уехал бы в Израиль хоть завтра. На что мой приятель моментально среагировал: "А вы-то зачем поедете - землю удобрить?" Я даже задохнулся от такой бестактности, наглости даже, своего приятеля, но прежде чем я успел что-то сказать, Теуш ответил ему совершенно спокойно: "А хотя бы..." Я уверен, что он бы так же спокойно среагировал и так же согласился, если бы кто-нибудь зачислил его в ряды кандидатов на "исторический шлак". Не только потому, что ему в голову никогда не могла бы придти мысль, что он достоин лучшей участи, чем его несчастные братья. Главное здесь заключается в другом: так пронзительно любить свой народ, так остро чувствовать его боль, так глубоко вжиться в его судьбу дано не каждому. Поэтому Теуш готов был послужить еврейскому народу в любом качестве - удобрием, "историческим шлаком", всем, чем позволила бы ему его судьба. Она распорядилась так, чтобы он послужил ему своей книгой.

Илья Зильберберг